

БОРИСЪ
ПОПЛАВСКИЙ

СНѢЖНЫЙ
ЧАСЪ

СТИХИ

ПАРИЖЪ І 9 3 6

СНѢЖНЫЙ ЧАСЪ

7 июня 1903. – 9 октября 1935.

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ

СНѢЖНЫЙ ЧАСЪ

СТИХИ

1931 - 1935

ПАРИЖЪ

1 9 3 6

Настоящая книга набрана и
отпечатана въ количествѣ
шестисотъ экземпляровъ
въ мартѣ тысяча девять-
сотъ тридцать шестого го-
да въ типографіи Сооре-
r a t i v e E t o i l e ,
18-20, rue du Faubourg
du Temple, Paris (XI).

Обложка работы худ. Ф. Рожанковскаго

БОРИСУ ЗАКОВИЧУ

Снѣгъ идетъ надъ голой эспланадой;
Какъ деревьямъ холодно нагимъ,
Имъ должно быть ничего не надо,
Только бы заснуть хотѣлось имъ.

Скоро вечеръ. День прошелъ безслѣдно.
Говорилъ; измучился; замолкъ,
Женщина въ окнѣ рукою блѣдной
Лампу ставитъ желтую на столъ.

Что же Ты, на улицѣ, не дома,
Не за книгой, слабый человѣкъ?
Полонъ странной снѣжною истомой
Смотришь безъ конца на первый снѣгъ.

Все вокругъ Тебѣ давно знакомо.
Ты простилъ, но Ты не въ силахъ жить.
Скоро ли уже Ты будешь дома?
Скоро ли Ты перестанешь быть?

Декабрь 1931

Въ зимній день на небѣ неподвижномъ
Рано отблескъ голубой погасъ.
Скрылись лампы. Гаснетъ шорохъ жизни
Въ тишинѣ родился снѣжный часъ.

Медленно спускаясь къ балагану
Снѣгъ лежитъ на полосатой ткани,
Пусто въ роцѣ, грязно у шлагбаума,
Статуи покрылись башлыками.

Расцвѣло надъ вымершимъ бульваромъ
Царство снѣга заметя слѣды.
Изъ домовъ, гдѣ люди дышатъ паромъ,
Страшно выйти въ бѣлые сады.

Тамъ все стало высоко и сине.
Бѣднякамъ бездомнымъ снѣжный адъ,
Гдѣ въ витринахъ черныхъ магазиновъ
Мертвецы веселые стоятъ.

Спать. Лежать, покрывшись одѣяломъ,
Точно въ теплый гробъ сойти въ кровать,
Слушать звонъ трамваевъ запоздалыхъ,
Не обѣдать, свѣтъ не зажигать.

Видѣть сны о дальнемъ, о грядущемъ.
Не будите насъ, мы слишкомъ слабы,
Задуваетъ въ полѣ наши души
Холодъ счастья, снѣжный вѣтеръ славы.

И никто навѣки не узнаетъ
Кто о чемъ писалъ, и что читалъ,
А на утро грязный снѣгъ растаетъ
И трамвай уйдетъ въ сіяньи въ даль.

27 декабря 1931

1

Въ горахъ вода шумить; подъ желтыми листьями,
Отъ самыхъ облаковъ сбѣгая въ темный логъ
Разубрана осенними красами
Природа спить, и сонъ ея глубокъ.

На высотахъ загадочно и нѣжно
Чуть видныхъ облаковъ недвижна череда;
И все таки близка и неизбѣжна
Холодная пора, какъ въ прошлые года.

Все успокоено, ни счастья, ни страха;
И только Ты, не смогъ судьбѣ простить,
И съ тѣмъ возсталъ изъ изменнаго праха
Чтобъ естества бояться и хулить.

2

Осенью горы уже отдыхаютъ,
Желтая хвоя тепла межъ камней.
Тихо осеняя птица вздыхаетъ
Въ чистой лазури ужъ ей холоднѣй.

Пышно готовится къ смерти природа,
Въ пурпуръ лѣса разрядивъ.
Ты же не хочешь уйти на свободу,
Счастье и страхъ побѣдивъ.

Значить что счастье Тебѣ не откроется
Въ мирной и чистой судьбѣ.
Значить не время еще успокоиться
Нужно вернуться къ борьбѣ.

3

Все также міръ высокъ и прекрасенъ,
Ярокъ и преданъ своей судьбѣ.
Все также напрасенъ подвигъ, напрасенъ,
Все также больно Тебѣ.

Будь же спокоенъ и вѣренъ боли,
Какъ и она вѣрна.
Птица тоскуетъ надъ скошеннымъ полемъ
Въ чистой лазури безъ дна.

Черною точкой высоко, высоко
Ястребъ кружить надъ болотной осокой.
Яркіе таютъ огни на водѣ,
Сумрачно птица поетъ о бѣдѣ.

4

Вѣтеръ гонитъ тучи,
Мчится прахъ летучій,
Годы не важны,
Люди не страшны.

Сѣрый день холодный,
Яркая листва,
Тягостный, свободный
Праздникъ естества.

Какъ темна природа
Дикая, пуста
И смѣшна свобода
Мертваго листа.

Вѣтеръ гонить тучи
Мчится прахъ плакучій
Хлопаетъ окно,
Сердцу все равно.

5

Ты уснешь и все забудешь
Подожди еще въ пыли,
Все что Ты на свѣтѣ любишь
Спать уже вдали.

Слишкомъ долго жилъ на свѣтѣ
Ненаглядное забылъ
Превратился въ хладный вѣтеръ
Превратился въ пыль.

Смотрить сердце ледяное,
Въ небо синее, больное
Ты напрасно пережилъ
Все, чѣмъ въ жизни дорожилъ.

Птицы носятся надъ садомъ,
Тихо началъ газъ рябить
Ничего Тебѣ не надо
Только все забыть.

1931-1935

Вечеръ блеститъ надъ землею,
Дождь прекратился на время,
Солнце смѣнилось луною,
Лѣта истаяло бремя.

Низкое солнце садится
Сѣрое небо въ огнѣ;
Быстрыя, черныя птицы
Носятся стаяй въ окнѣ.

Такъ бы касаться, кружиться,
Въ бездну стремглавъ заглянуть,
Но на землѣ не ужиться,
Въ сѣрое небо скользнуть.

Фабрика гаснетъ высоко,
Яркіе, зимніе дни.
Клонится низко осока
Къ бѣгу холодной волны.

Черныя, быстрыя воды
Имъ бы заснуть подо льдомъ.
Сумрачный праздникъ свободы
Ласточки въ сердцѣ пустомъ.

Трава рождается, тепломъ дорога дышетъ,
Любуются рѣкою острова.
Душа молчитъ, она себя не слышитъ,
Она живетъ во всемъ, она мертва.

Встаетъ весна. Отъ постоянной боли
Душа утомлена, тиха, пуста.
Болѣзною, которою я боленъ,
Быль боленъ мѣръ, отъ первыхъ дней грѣха.

Подъ бѣлымъ солнцемъ травы оживаютъ,
Теплѣетъ свѣтъ, работа далека.
Спокойно надъ рѣкою долетаетъ
До бѣлыхъ облаковъ Твоя рука.

Ты говоришь, сама не понимая,
Сама отъ слова слишкомъ далека
И просыпается къ словамъ рѣка нѣмая,
Становятся словами облака.

На бронзовой дорогѣ надъ водою
Мы говоримъ, рожденные въ аду,
Спасенные ущербомъ и судьбою,
Мы взвѣшиваемъ въ небѣ пепель душъ.

Теряется рѣка за островами,
Купальня млѣетъ солнечнымъ пятномъ,
Скрывается Сибилла за словами.
Жизнь повторяется. И снова не о томъ.

Спокойно, отдаленно, неподвижно
Съ камней моста Ты щуришься на свѣтъ,
А тамъ, вдали, стирая наши жизни
Проходитъ облако и снова счастья нѣтъ.

1931

1.

Во мглѣ лежитъ печаль полей,
Чуть видно солнце золотое
Играетъ въ толстомъ хрусталѣ,
Гдѣ пламя теплится святое.

Въ холодной церкви тишина,
Все чисто вымыто руками,
Лишь въ алтарѣ вознесена
Лампада теплится вѣками.

И камень живъ святой водой,
Все спитъ, но сонъ церковный свѣтель,
Легко священникъ молодой
Возноситъ чашу на разсвѣтѣ.

Неспѣшно, ровно повторивъ
Слова звучавшія вѣками,
Когда еще зари горитъ
Нездѣшній свѣтъ за облаками,

И колоколь въ туманный часъ
Неспѣшно голосъ посылаетъ,
Отъ смертныхъ сновъ не будить насъ,
Не судить, но благословляетъ.

2.

Тихо свѣтитса солнце въ туманѣ,
Дымъ восходитъ недвижнымъ столбомъ,
Ужъ телѣга стучить межъ домами,
Просыпается жизнь въ голубомъ.

Легкій иней растаялъ на крышахъ,
Колокольный языкъ замолчалъ,
Все по прежнему бѣло, а выше
Появился просвѣтъ и пропалъ.

Я сегодня такъ рано проснулся,
Долго спалъ, но не помнятся сны,
Бѣло-сѣрому дню улыбнулся,
Все простилъ и не вспомнилъ вины.

А потомъ замрачнѣлъ въ ожиданьи,
Потемнѣлъ, погрузился во мракъ,
Вышелъ къ людямъ — не рады свиданью,
Глянулъ въ сердце — сомнѣнье и страхъ.

А потомъ подъ водой ледяною
Въ эту церковь пустую зашелъ,
Гдѣ лампада парить надъ землею,
Не смущаясь ни горя, ни золь.

Долго думалъ, но боль не смирилась,
Лишь потомъ потемнѣла она,
Слезы брызнули, сердце раскрылось
Возвратилась моя тишина.

Тихо новый соборъ озарился,
Безмятежный священникъ пришелъ,
Я услышалъ органъ и забылся,
Отрѣшился отъ горя и золь.

3.

На холодномъ желтѣющемъ небѣ,
Надъ канавой, гдѣ мчится вода,
Непрестанно, какъ мысли о хлѣбѣ,
Въ зимнемъ небѣ дымятъ города.

Тяжкій поѣздъ мосты сотрясаетъ,
Появляется надпись: «Табакъ»
Загорается газъ, погасаетъ,
Отворяются двери въ кабакъ.

Слѣзъ кондукторъ и будочникъ свистнулъ,
Потащились вагоны въ снѣгу.
Я съ утра оторвался отъ жизни,
Все иду, ужъ идти не могу.

Первый снѣгъ мнѣ былое напомнилъ
О судьбѣ, о землѣ, о Тебѣ,
Я одѣлся и вышелъ изъ комнатъ
Успокаивать горе въ ходьбѣ.

Но напрасно вдоль бѣлыхъ чертоговъ
Шумъ скользитъ, какъ рѣка въ берегахъ.
Все такая же боль на дорогахъ,
Все такое же горе въ снѣгахъ.

Нѣтъ, не надо во мракѣ опоры;
Даль нужнѣй, высота, чистота,
Отрѣшенья высокія горы,
Занесенныя крыши скита.

Долго будетъ мятель бездорожить
Ночь пройдетъ, успокоится снѣгъ,
Тихо стукнетъ калитка, прохожій
Обрѣтетъ долгожданный ночлегъ.

Свѣтъ лампы негромко, немудро
Означаетъ покой здѣсь, ложись,
Завтра встанешь, какъ снѣжное утро,
Безмятежно вмѣшаешься въ жизнь.

Только гдѣ же твой скитъ горожанинъ?
Дома низко склоняюсь къ трудамъ.
Только гдѣ же твой домъ каторжанинъ?
Слышишь церковь звонить? это тамъ.

1931

Лунный дискъ исчезъ за вѣдукомъ,
Ледъ скрипитъ подъ мокрымъ башмакомъ.
Другъ бездомный съ безконечной мукой,
Съ безконечной скукой этой я знакомъ.

Въ этой жизни слабымъ не ужиться,
Пѣть? Къ чему имъ сердце разрывать.
И не время думать и молиться,
Время — спать, страдать и умирать.

1931

Сумеречный мѣсяцъ, сумеречный день,
Теплую одежду юноша надѣнь.
Въ сердцѣ всякой жизни скрытый страхъ живетъ.
Вѣтви неподвижны. Небо снѣга ждетъ.

Птицы улетѣли. Молодость; смирись,
Ты еще не знаешь, какъ ужасна жизнь.
Рано закрываютъ голые сады,
Тонкій ледъ скрываетъ глубину воды.

Птицы улетѣли. Холодъ недвижимъ
Мы не долго пѣли и уже молчимъ.
Значить такъ и надо, молодость, смирись,
Затепли лампаду, думай и молись.

Скоро все узнаешь, скоро все поймешь
Вѣтеръ подметаетъ и уноситъ ложь.
Все, какъ прежде, въ мѣрѣ, сердце горя ждетъ,
Слишкомъ тихо въ сердцѣ, слишкомъ свѣтелъ годъ.

1931

Полуночное свѣтило
Озарило небосводъ,
И уже душа забыла
Все, чѣмъ днемъ она живетъ.

Вдалекѣ не слышно лая,
Дивно улица свѣтла,
Такъ бы вѣчно жилъ, гуляя,
Если бъ вѣчно ночь была.

Вдоль по рельсамъ изъ неволи,
Ихъ желѣзный блескъ слѣдя,
Выйду я въ пустое поле,
Наконецъ найду Тебя.

Небо синее, ночное
Въ первозданной простотѣ;
Сердце мертвое, больное
Возвращу навѣкъ Тебѣ.

1931

1.

Д. Ш.

Надъ пустой рѣкой за поворотомъ
Снѣгъ лежитъ и задуваетъ газъ,
Замело желѣзные ворота
И предмѣстье занесло до глазъ.

Только ближе къ утру станетъ тише,
Звѣздный міръ взойдетъ изъ пустоты,
Я проснусь тогда и вдругъ услышу
Голосъ Твой, какъ будто рядомъ Ты.

Милый другъ, я складываю руки,
За Тебя, за счастье не борюсь,
Слушаю, какъ уличные звуки
Заглушаютъ снѣгъ, и спать ложусь.

Сонъ идетъ и надъ землей смѣется
Краткій часъ, ужъ минувшій навѣкъ.
Счастливъ тотъ, кто къ жизни не вернется,
Какъ мгновенной славой счастливъ снѣгъ.

Гаснетъ въ печкѣ голубое пламя,
На стѣнѣ растетъ кривая тѣнь;
Сонъ и смерть, молчаніе и память
Возвращаютъ къ жизни мертвый день.

Знаю, знаю, только гдѣ забыла
Всѣмъ живымъ воскреснуть суждено.
Тамъ расскажешь Ты, о томъ что было
Безъ меня и было ли оно.

Ночь темна, но утро неизбежно.
Спать душа и слабый свѣтъ потухъ,
Странно, кратко надъ пустыней снѣжной
Прокричалъ и замолчалъ пѣтухъ.

2.

Ты шла навстрѣчу мнѣ пустынной зимней ночью,
Обледенѣлый міръ лоснился при лунѣ,
Какъ голый путь судьбы, но не было короче
И снова издали Ты шла навстрѣчу мнѣ.

Тамъ снова, за широкими плечами,
Была зима безъ цѣли, безъ слѣда.
Ты шла впередъ громадными очами
Смотря на міръ, готовый для суда.

Вся строгость Ты, вся сумерки, вся жалость,
Ты молча шла, Ты не могла помочь.
А сзади шла, какъ снѣгъ, какъ время, какъ усталость,
Все та же первая и основная ночь.

Декабрь, 1931

1.

Не смотри на небо, глубоко
Гаснетъ желтый свѣтъ.
Умирать легко и жить легко —
Жизни вовсе нѣтъ.

Жизнь прошла за страхами и снами,
Погасають дальнія края.
Нищета заката надъ домами
Участь новая моя.

Ты не жилъ, а ждалъ и восхищался,
Слушалъ голосъ дальній и глухой,
Долго зимней ночью возвращался.
Если нѣтъ награды, есть покой.

2.

Позднею порою грохотъ утихаетъ,
Гдѣ-то мчится вѣтеръ, хлопая доской.
Снѣгъ покрылъ дорогу, падаетъ и таетъ.
Вечеръ городской полнится тоской.

Холодно зимою возвращаться,
Снова дня пустого не вернуть,
Хочется въ углу ко тѣмъ прижаться,
Какъ-нибудь согрѣться и уснуть.

Не тоскуй, до дома хватить силы,
Чѣмъ темнѣе въ жизни, тѣмъ роднѣй;
Темнота постели и могилы,
Холодъ — утѣшеніе царей.

1931

Поля безъ возврата. Большая дорога,
Недвижныя желтыя нивы.
О, какъ Ты спокойна, душа-недотрога,
Довольна, легка, молчалива.

Ручей еле слышенъ, и время какъ море,
Что значать здѣсь всѣ разговоры?
Неси свое дѣло, люби свое горе,
Спокойно носи свое горе.

Душа обреченность свою оцѣнила,
Растенія строгую долю,
Взойти и, цвѣтами качая лѣнливо,
Осыпаться осенью въ полѣ.

Такимъ какъ ходилось, такимъ какъ хотѣло,
Какимъ полюбила Тебя,
Ждала, цѣловала тяжелое тѣло
Знакомая радость — судьба.

1931-1934

Еле дышетъ слабость бѣлыхъ дней,
Чуть замѣтно птицы напѣвають,
За туманнымъ паромъ холоднѣй
Смотритъ солнце, землю забывая.

Вечеромъ спускается туманъ,
Все живое чувствуетъ обманъ,
Съ глубиной своею говоритъ,
Пламя жизни медленно горитъ.

Трудно, трудно въ шумѣ говорить,
Рано утромъ просыпаться жить,
Поздно ночью возвращаться въ пустотѣ,
Оставаться на какой-то высотѣ.

Долгою зимою дождь не перестанетъ,
Рѣдко снѣгъ пойдетъ,
Станетъ очень тихо надъ мостами,
Поздно ночью скрипнетъ ледъ.

Можетъ быть, что мы поговоримъ
Все о томъ, что скоро догоримъ.
Нѣтъ не надо, голосъ возгласилъ,
Улыбаясь изъ послѣднихъ силъ.

Вечеромъ спускается туманъ,
Дымъ безсильно клонится къ домамъ.
Въ комнатѣ темно и свѣта нѣтъ —
Вечеромъ душа теряетъ свѣтъ.

Какъ страшно уставать.
Вся жизнь течетъ навстрѣчу,
А ты не въ силахъ жить
Вернись въ закутокъ свой.

Таись, учись скрывать,
И слушай тамъ весь вечеръ,
Какъ мелкій листъ дрожитъ
Подъ каплей дождевой.

Въ окнѣ спокойный свѣтъ,
Едва трепещутъ листья,
Темнѣетъ длинный день,
Слабѣетъ улицъ шумъ,

Чего-то въ мѣрѣ нѣтъ,
Ни въ блескѣ гордыхъ истинъ,
Все это тѣни тѣнь,
И ты усталъ отъ думъ.

Сквозь сумракъ голубой
Спѣшатъ больные люди,
За тьмой насущныхъ дѣлъ
Не видя лучшихъ лѣтъ.

Молчи и слушай дождь.
Не въ истинѣ, не въ чудѣ
А въ жалости Твой Богъ,
Все остальное ложь.

Ты имъ не нравишься,
Ты одинокъ и бѣденъ,
Зато она съ Тобой,
Что счастье безъ нея.

А съ ней, къ чему покой
И даже сонъ о небѣ,
Дождливымъ вечеромъ
Закатные края.

1931

Ранній вечеръ блеститъ надъ дорогой,
Просвѣтлѣло и дождь пересталъ,
Еле видимый мѣсяцъ двурогій
Надъ болотною рѣчкою всталъ.

Непривѣтлива чаща сплошная,
Гдѣ-то стрѣлочникъ тронулъ свирѣль,
Осыпаетъ ворона ночная
Съ облетающихъ кленовъ капель.

Слышенъ лай отдаленный собаки,
У воротъ въ темнотѣ голоса.
Все потеряно гдѣ-то во мракѣ,
Все въ оврагѣ лишилось лица.

Ночь. Бездонная ночь надъ пустыней
Исполиновъ сверкающихъ мать,
Въ тишинѣ, Ты не плачешь надъ ними,
Не устанешь ихъ блеску внимать.

Буду въ яркомъ сіяніи ночи
Также холодно ярокъ надъ всѣмъ.
Если я на землѣ одиноче
Дальнихъ звѣздъ, если такъ же я нѣмъ

Выпью сердцемъ прозрачную твердость
Обнаженныхъ, безстрашныхъ равнинъ,
Обреченную, чистую гордость
Тѣхъ, кто въ Богѣ остались одни.

1931 — 1934

Въ молчаньи души лампы зажигають,
Снимають шляпы мокрая съ дороги,
Темнѣетъ снѣгъ, поетъ труба въ острогъ ,
Гудки машинъ судьбу остерегають.

Бѣгутъ рабы, спасаясь отъ бѣды,
Въ поношенныхъ своихъ одеждахъ модныхъ
И вспыхивають бѣлые ряды
Холодныхъ фонарей домовъ голодныхъ.

Не говори, зажги огонь въ печи,
Укройся, лягъ, испей вина плохого,
Пусть въ полуснѣ гитара прозвучить,
Пускай поють, пускай свистятъ немного.

Какъ холодно. Молчитъ душа пустая,
Надъ городомъ сегодня снѣгъ родился,
Онъ быстро съ неба прилеталъ и таялъ.
Все было тихо. Міръ остановился.

Зажгите свѣтъ, такъ рано потемнѣло,
Съ домовъ исчезли яркіе плакаты.
Ночь на мосту, гдѣ, прячась въ дымъ бѣломъ,
Въ снѣжки играли мокрые солдаты.

Блеститъ земля. Ползутъ нагія вѣтви,
Бульваръ покрытъ холодною слюдою,
Въ таинственномъ, нѣмомъ великолѣпьи
Темнѣетъ небо полное водою.

Читали мы подъ снѣгомъ и дождемъ
Свои стихи озлобленнымъ прохожимъ.
Усталый другъ, смирайся, подождемъ.
Намъ спать пора, мы ждать уже не можемъ.

Какъ холодно. Душа пощады просить.
Смирись, усни. Пощады слабымъ нѣтъ.
Молчитъ январь и каждый день уноситъ
Послѣдній жаръ души, послѣдній свѣтъ.

Закрой глаза, пусть кто-нибудь играет,
Ложись въ пальто. Укутайся, молчи.
Роняя снѣгъ въ саду, ворона граетъ.
Однообразный шумъ гудитъ въ печи.

Испей вина, прочтемъ стихи другъ другу,
Забудемъ міръ. Мнѣ міръ невыносимъ —
Онъ только слабость, солнечная вьюга
Въ сіяньи роковомъ нездѣшнихъ зимъ.

Огни горятъ, исчезли пѣшеходы.
Вѣка летятъ во мракъ нѣмыхъ неволь.
Все только вьюга золотой свободы
Лучамъ зари приснившаяся боль.

Январь, 1932

Въ кафэ стучать шары. Надъ мокрой мостовою
Едва живое дерево блеститъ,
Забудь свои міры, я остаюсь съ Тобою
Спокойно слушать здѣсь, какъ дождь шумитъ.

Нѣтъ, молодъ я. Такъ сумрачно, такъ долго
Все только слушать жизнь, грустить, гадать...
Я жить хочу, бессмысленно и горько,
Разбиться и исчезнуть, но не ждать.

Мнѣ нравится надъ голыми горами
Потоковъ споръ; средь молній и дождя,
Средь странныхъ словъ свиданіе съ орлами
И ангеловъ паденіе сюда.

Огонь луны въ недопитомъ бокалѣ,
Расцвѣтъ въ цвѣтахъ, отгрохотавшій балъ,
И состязанье лодокъ на каналѣ,
И шумъ толпы, и пушечный сигналъ.

Надъ городомъ на проволокахъ мѣдныхъ
Свистъ краткихъ бурь, и долгій синій день,
Паровика въ горахъ гудокъ безслѣдный,
И трескъ стрекозъ ритмирующихъ лѣнь.

На островъ безпутная, смѣшная
Матросовъ жизнь, уходъ морскихъ солдатъ,
Напѣвъ цѣпей, дорога жестяная
И каторжной жары недвижный взглядъ.

Не вѣрю въ свѣтъ, заботу ненавижу,
Слезъ не хочу и памяти не жду,
Паду къ землѣ быстрее всѣхъ и ниже,
Всѣхъ обниму отверженныхъ въ аду.

Шары стучали на зеленомъ полѣ,
На стеклахъ голубѣль вечерній свѣтъ,
А я читалъ, опять лишившись воли,
Журналы, что лежатъ за много лѣтъ.

Какъ мы измучены и хорошо бываетъ,
Забывъ дѣла, бессмысленно читать
И слушать какъ въ углу часы играютъ,
Потомъ съ пустою головой ложиться спать.

Зачѣмъ наполнилъ Ты пустое время,
Часы идутъ, спѣшатъ ряды каретъ,
По толстому стеклу ползутъ растенья,
На листьяхъ отраженъ вечерній свѣтъ.

Покинувъ жизнь, я возвратился въ счастье
Играть и спать, судьбы не замѣчать —
Такъ разлюбить бываетъ въ нашей власти,
Но мы не въ силахъ снова жить начать.

1932

Шумѣль въ ногахъ холодный гравій сада,
На лѣтней сценѣ паяцовъ играли,
Кривясь лакеи, какъ видѣнья ада
Въ дверяхъ игорной залы исчезали.

Тамъ газъ горѣль, и шаръ о шаръ стучаль.
Пронзительно изъ голубого грота
Кричалъ паяцъ, но офицеръ скучаль
И подведенный ангелъ ждалъ кого-то.

А надъ горами лѣто умирало,
Въ лиловомъ дымѣ тихо птицы пѣли
И подлѣ рельсъ у самага вокзала
Въ степи костры оранжево горѣли.

Сіялъ курзаль. О, сколько вечеровъ
Я счастья ждалъ на городскомъ бульварѣ,
Подъ бѣлой тканью солнечныхъ шатровъ
Съ извозчикомъ во тьмѣ смѣялись пары.

Визжали дѣвушки, острили офицеры
И мѣсяцъ желто возникалъ въ пыли,
Гдѣ сердце молодого Агасфера
Боролось съ притяженіемъ земли.

Кружася и себя не узнавая
Оно къ дѣвицамъ ластилось, какъ воръ,
Но, грязнымъ платьемъ небо задѣвая,
Смѣялось время наглое въ упоръ.

1932-1934

Въ сѣрый день лоснится мокрый городъ,
Лошади дымятся на подъемѣ,
Затишаютъ наши разговоры,
Рано меркнетъ свѣтъ въ огромномъ домѣ.

Въ сѣрый день темнѣетъ разговоръ.
Сердце міра полнится дождемъ,
Ночь души спускается на дворъ,
Все молчитъ и молится съ трудомъ.

Ночь пришла и вспыхнулъ дальній газъ,
А потомъ опять огонь погасъ,
Снѣгъ пошелъ и скоро пересталъ,
Новый день декабрьскій насталъ.

1931

Прежде за снѣжной пургою,
Тамъ, гдѣ красное солнце молчить
Мнѣ казалось, что жизнью другою
Я смогу незамѣтно прожить.

Слушать дальняго снѣга рожденье
Надъ землей, въ тишинѣ бѣлизны
И слѣдить за снѣжинокъ паденьемъ
Неподвижно сквозь воздухъ зимы.

Почему я склонился надъ міромъ,
Позабылъ о холодныхъ царяхъ?
Или музыка мнѣ измѣнила,
Или сердце почувало страхъ?

Нѣтъ, но ангелы — вѣчныя дѣти
Не поймутъ и не любятъ земли,
Я теперь самый бѣдный на свѣтѣ
Загорѣлый бродяга въ пыли,

Слаблю листъ, золотѣющій въ полѣ,
Запахъ пота, сіянье волны,
И глубокую въ сумракѣ боли
Радость жизни развѣявшей сны,

Соглашеніе камня и неба,
Крѣпость плоти, цѣлующей свѣтъ,
Вкусъ горячего, желтаго хлѣба,
Голось грома и бездны отвѣтъ.

Быль высокій огонь облаковъ
Обращень къ отраженью цвѣтовъ.
Шумъ рѣки убывалъ подъ мостомъ.
Вечерь всталъ за церковнымъ крестомъ.

Лѣсъ въ вечерней зарѣ розовѣлъ.
Тамъ молчало сіянье вѣковъ.
Тихо падало золото стрѣлъ
Въ золотую печаль родниковъ.

Ужъ темнѣло. Надъ мракомъ рѣки
Чуть свѣтились еще ледники.
Гнили листья. Ползли пауки.
Отражали огни родники.

Монастырь на высокой скалѣ
Потухалъ въ золотомъ хрусталѣ,
А внизу въ придорожномъ селѣ
Дымъ, рождаясь, скользилъ по землѣ.

Только выше, гдѣ холодъ и снѣгъ
Инокъ бѣдный, нѣмой дровосѣкъ
У порога святыхъ облаковъ
Бьетъ сѣкирой въ подножье вѣковъ.

Страшно въ чашѣ. Онъ слабъ, онъ усталъ.
Притупилась горячая сталь.
Ломить голову, сердце горить.
Кто-то въ вѣткахъ ему говоритъ:

«Гордый инокъ! Оставь свой топоръ,
Будетъ тише таинственный боръ.
Кто несетъ свой огонь въ высоту,
Чтобы жить въ этомъ новомъ скиту?»

Возвратись, въ подземелье сойди,
Бѣдный старецъ тамъ тихо живетъ,
Спитъ въ гробу съ образкомъ на груди,
Онъ не ждетъ ничего впереди.

Пусть вверху у открытыхъ воротъ
Тихо праздничный колоколь бьетъ.
Ночь прійдетъ. Ты молчи безъ конца,
Спрятавъ руки въ пыланье лица.

Говорить не пытайся — молчи,
Слушай кроткое пламя свѣчи.
Понимать не старайся — молись,
Самъ желѣзною цѣпью свяжись.»

Ночь сходила. Лѣсной великанъ
Замолкалъ съ головой въ облакахъ.
Все казалось погасшимъ во злѣ,
Завернувшись, уснулъ на землѣ.

За рѣкою огонь полыхаетъ,
Гдѣ-то въ полѣ горитъ, не горитъ,
Кто-то слушаетъ ночь и вздыхаетъ,
Не сумѣвши судьбу покорить.

Кто тамъ пасынокъ грустнаго свѣта
Размышляетъ въ холодномъ огнѣ,
Не найдетъ онъ до утра отвѣта,
Лишь утихнетъ въ безпамятномъ снѣ.

Разгорится еще на мгновенье,
Полыхнетъ и навѣки погасъ —
Такъ и самъ неживымъ вдохновеньемъ
Загоришься тревожно на часъ.

И опять за широкой рѣкою
Будутъ звѣзды горѣть на вѣсу
Точно вѣтка, что тронулъ рукою
Запоздалый прохожій въ лѣсу;

И съ нее облетѣло сіянье.
Все спокойно и тьма холодна.
Вѣтка смотрится въ ночь мірозданья
Въ міровое молчанье безъ дна.

1931

Лошади стучали по асфальту,
Шли дожди и падали до вечера.
Въ маленькой квартирѣ мы читали,
Въ сумеркахъ откладывали книги.

А потомъ готовили обѣдать
Въ желтомъ, странномъ отблескѣ заката,
Въ полутьмѣ молились, спать ложились,
Просыпались ночью говорить.

Поѣзда свистѣли у заставы,
Газовые отблески молчали.
Тихо въ бездну звуки обрывались,
Будущіе годы открывались.

А потомъ въ слезахъ мы засыпали,
Падали въ колодцы золотые,
Можетъ быть соединялись съ Богомъ,
Проходили милліоны лѣтъ.

Утро заставало насъ въ грядущемъ,
Возвращаться было слишкомъ поздно,
Оставляя въ небѣ наши души,
Просыпались съ мертвыми глазами.

Вновь казался страннымъ и подземнымъ
Бѣлый міръ, гдѣ снова дождикъ шелъ.
Колоколь звонилъ въ туманѣ блѣдномъ,
И совсѣмъ напротивъ садикъ цвѣлъ.

1931

IL NEIGE SUR LA VILLE

Страшно въ безднѣ. Снѣгъ идетъ надъ міромъ.
Отъ нездѣшной боли все молчитъ.
Быстро, тайно къ мірозданью Лиры
Солнце зимнее спѣшитъ.

Тишина сошла на снѣжный городъ,
Фонари горятъ едва замѣтно.
Гдѣ-то долгій паровозный голосъ
Надъ пустыней мчится безотвѣтно.

Скрыться въ снѣгъ. Спасись отъ грубыхъ взглядовъ.
Жизнь во мракѣ скоротать, въ углу.
Отдохнуть отъ ледяного ада
Страшныхъ глазъ, прикованныхъ ко злу.

Тамъ за домомъ городской заставы,
Гдѣ сады на кладбище похожи,
Улицы полны больныхъ, усталыхъ,
Разодѣтыхъ къ празднику прохожихъ.

Снѣгъ идетъ. Закрыться одѣяломъ,
Рано лампу тусклую зажечь,
Что-нибудь перечитать устало,
Что-нибудь во тьмѣ поѣсть и лечь.

Спать. Уснуть. Какъ страшно одинокимъ.
Я не въ силахъ. Отхожу во сны.
Оставляю этотъ міръ жестокимъ,
Яркимъ, жаднымъ, грубымъ, остальнымъ.

Мы же здѣсь наплачемся, устанемъ,
Отойдемъ ко сну, а тамъ во снѣ
Можетъ быть иное солнце встанетъ,
Можетъ быть иного солнца нѣтъ.

Другъ, снесемте лампы въ подземелье,
Передъ сномъ внизу поговоримъ.
Тамъ надъ нами страшное веселье,
Мертвые огни, войска и Римъ.

Мы-жъ, какъ хлѣбъ подъ мерзлою землею,
Въ полуснѣ печали подождемъ,
Ласточку, что черною стрѣлою
Пролетитъ подъ проливнымъ дождемъ.

1931

СНОВА ВЪ ВЪНКЪ ИЗЪ ВОСКА

Въ казармѣ день встаетъ. Межъ голыми стѣнами
Труба поетъ фальшивя на снѣгу,
Восходитъ солнца призракъ за домами,
А можетъ быть я больше не могу.

Зачѣмъ вставать? Я думать не умѣю.
Встрѣчать друзей? О чемъ намъ говорить?
Среди тѣней поломанныхъ скамеекъ
Еще фонарь оставленный горить.

До вечера шары стучать въ трактирѣ,
Смотрю на нихъ, часы назадъ идутъ.
Я не участвую, не существую въ мѣрѣ,
Живу въ кафэ, какъ пьяницы живутъ.

Темнѣетъ день, зажегся газъ надъ скверомъ.
Часы стоятъ. Не трогайте меня,
Надъ лицеистомъ ищущимъ Венеру
Темнѣетъ, голубѣя, призракъ дня.

Я опоздалъ, я слышу кто-то гдѣ-то
Меня зоветъ, но побѣдивши страхъ,
Подъ фонаремъ вечернюю газету
Душа читаетъ въ мокрыхъ башмакахъ.

1931-1934

На подъемѣ блеститъ мостовая,
Пахнетъ дымомъ. Темно подъ мостомъ
Блѣдно палевый номеръ трамвая
Выдѣляется въ небѣ пустомъ.

Осень. Нищіе спятъ у шлагбаума,
Низкой фабрики дышетъ труба,
Съ дымомъ бѣлымъ, спокойнымъ и плавнымъ
Отдаляется міра судьба.

Все такъ ясно. Надъ рѣчкой тифозной
Рыболовъ уплываетъ на мѣстѣ,
Затихающій шумъ паровозный
Возвращается къ пыльнымъ предмѣстьямъ.

Солнце грѣетъ пустые вагоны,
Между рельсами чахнутъ цвѣты,
Небо шепчетъ: забудь о погонѣ,
Лягъ у насыпи низкой, въ кусты.

Восхищающій низкія души,
Скоро вечеръ взойдетъ къ небесамъ,
Отдаляйся. Молчи о грядущемъ,
Стань лазурью и временемъ самъ.

Такъ спокойно въ безбрежную воду
Ключъ стекаетъ холодной струей,
Исчезаетъ, уйдя на свободу,
Обрѣтаетъ священный покой.

Все молчитъ. Высота зеленѣетъ,
Просыпаются ежась цари.
И, какъ мертвыя, яркія змѣи,
Загораясь, ползутъ фонари.

Ты усталъ, отдохни.
Прочитай сновидѣній страницу
Иль въ окно посмотри,
Провожая на западъ вѣка.
Надъ пустою дорогой
Помедли въ сіяньи денницы
И уйди, улыбаясь, какъ тають въ пруду облака.
Въ синевѣ утонувъ,
Надъ водою склоняются травы.
Безконечно глядясь
Не увидятъ себя камыши.
Подражая осокѣ безмолвной и горькой, мы правы —
Кто насъ можетъ замѣтить
На солнцѣ всемірной души?
Мы слишкомъ малы.
Мы слишкомъ слабы.

Птица упала.
Не упасть не могла бы,
Жить не смогла на вѣсу.
Поѣздъ проходить въ лѣсу...

1931

Въ часъ, когда писать глаза устанутъ
И ни съ кѣмъ нельзя поговорить,
Тамъ въ саду надъ черными кустами
Поздно ночью млечный путь горитъ.

Полно, полно. Ничего не надо.
Нечего за счастье упрекать,
Лучше въ темнотѣ надъ чернымъ садомъ
Такъ молчать, скрываться и сіять.

Тамъ внизу, привыкшіе къ отчаянью,
Люди спятъ, отъ счастья и труда,
Только нищій слушаетъ молчаніе
И идетъ невѣдомо куда.

Одиноко на скамейкѣ въ паркѣ
Смотритъ ввысь, закованный зимой,
Думая, тамъ столько звѣздъ, такъ ярко
Освѣщенъ ужасный жребій мой.

Вдругъ забывши горе на мгновенье,
Но опять вокругъ голо, темно
И, проклявъ свое стихотвореніе,
Ты закроешь медленно окно.

1931

Все спокойно раннею весною.
Высоко вдали труба дымить.
На мосту, надъ рѣчкою больною
Поѣздъ убѣгающій шумить.

Пустыри молчатъ подъ солнцемъ блѣднымъ
Обогнувъ заборъ, трамвай уходитъ.
Въ высотѣ, блестя моторомъ мѣднымъ,
Въ синеву аэропланъ восходитъ.

Выйди въ поле блѣдный горожанинъ.
Посиди въ кафэ у низкой дачи.
Насладись, какъ бѣглый каторжанинъ,
Нищетой своей и неудачей.

Пусть надъ домомъ ласточки несутся.
Слушай тишину, смежи рѣсницы.
Значить только нищѣ спасутся.
Значить только нищѣ и птицы.

Все какъ прежде. Чахнетъ воскресенье.
Семафоръ качнулся на мосту.
Въ блѣдно сѣромъ сумракѣ весеннемъ
Спать закатъ, поднявшись въ чистоту.

Тише... скоро фонари зажгутся.
Дождь пойдетъ на темные дома.
И во тьмѣ, гдѣ дѣвушки смѣются,
Жалобно зазвонитъ синема.

Все какъ прежде. Надъ пожарной частью
Всходятъ звѣзды въ саванѣ вѣковъ.
Спи душа, Тебѣ приснилось счастье,
Страшно жить проснувшимся отъ сновъ.

Опять въ поляхъ, туманясь безконечно,
Коричневое море разлилось.

Трава желтѣетъ на холмахъ зарѣчныхъ,
Какъ быстро въ небѣ лѣто пронеслось.

Ползутъ высоко полосы бѣлѣя.

Тамъ долго солнце бѣлое молчитъ.

Тоскуютъ птицы. Вечеръ ждетъ въ аллеѣ.

Товарный поѣздъ медленно стучитъ.

Молчитъ въ закатѣ бѣломъ все живое.

Все томится, все щурится на свѣтъ,

Спитъ, улыбаясь, небо голубое

Спокойнымъ обѣщаньемъ слезъ и бѣдъ.

Надъ бѣлой болью неба безъ возврата

Смолкаетъ шумъ мученій городскихъ,

Несется пыль, темнѣетъ страхъ заката

И мелкій океанъ сосутъ пески.

1931-1934

Слабый верескъ на границѣ смерти.
Все опять готовится цвѣсти.
Съ каждою весной нѣжнѣе сердце
И уже не въ силахъ мѣръ снести.

Теплый дождь шумѣлъ весь вечеръ въ лужахъ.
Въ нихъ звѣздами отразилась ночь
Въ нихъ вѣками отразился ужасъ
И нельзя простить, нельзя помочь.

Ночь блеститъ. Огни горятъ въ баракѣ.
Можетъ быть природѣ счастье лгать,
Можетъ быть, что счастье жить во мракѣ,
Можетъ быть, что счастье погибать.

Всѣ мы знаемъ и уже не скроемъ
Отчего такъ страшенъ звѣздный часъ.
Потому что именно весною,
Именно весной не станеть насъ.

Ложь и правда здѣсь одно и то же.
Можетъ быть, что правда это грѣхъ,
Можетъ быть, что тлѣнь души дороже,
Можетъ быть, что все лишь звѣздный смѣхъ.

Тихой пѣсней сердце успокойте,
Пощадите розы на кустѣ,
Притупите духъ, огни укройте,
Растопчите пепель въ темнотѣ.

Въ зимній день все кажется далекимъ,
Все молчить, все кажется глухимъ.
Тише такъ и легче одинокимъ,
Непонятнымъ, слабымъ и плохимъ.

Только таетъ бѣлое видѣнье.
О далекомъ лѣтѣ грезить тополь.
И сирень стоитъ какъ привидѣнье,
Звѣздной ночью, надъ заборомъ теплымъ.

Грезить садъ предутренними снами.
Скоро жить ему, цвѣсти въ неволѣ.
Мчится время, ужъ весна надъ нами,
А и такъ ужъ въ мѣрѣ много боли.

Въ душномъ мракѣ распустились листья,
Утромъ насъ сверканіе измучить.
Это лѣто будетъ долго длиться,
До конца утѣшить и наскучить.

Жаркій день взойдетъ надъ неудачей.
Все смолчить подъ тяжестью судьбы.
Ты еще надѣешься и плачешь.
Ты еще не понялъ синевы.

На высокихъ стебляхъ розы дремлютъ.
Пыльный воздухъ надъ землею дрожить.
Можетъ быть, весной упасть на землю
Замолчать и отказаться жить?

Можетъ быть, весной совсѣмъ невольно
Въ пѣньи птицъ, въ сіяньи звѣздной тьмы?
Нѣтъ, мой другъ, еще совсѣмъ не больно,
Что еще насъ ждетъ въ снѣгахъ зимы!

Будь же душевною ночью, ночью звѣздной,
Грустнымъ окомъ свѣтлаго суда,
Безупречной жертвой, неизбежной,
Всѣхъ вещей, что минутъ безъ слѣда.

Спи, усни, не въ силахъ міра вынести.
Иль повѣрь, что есть иной исходъ.
Все прими и въ поле встрѣтитъ выйди
Рано утромъ солнечный восходъ.

Я видѣлъ сонъ, въ огнѣ взошла заря
Кричатъ надъ домомъ мертваго царя.
Онъ изъ окошка внизъ на улицу смотрѣлъ,
Закрывъ лицо рукой отъ желтыхъ стрѣлъ.

Тамъ черезъ улицу худая кошка шла,
А въ домѣ дѣвочка читала у стола.

А время тихо проходило вдаль
По желтому мосту надъ рѣчкой горной,
Показывая каждый разъ въ рукѣ
Таинственный предметъ въ коробкѣ черной.

И дѣлало какой-то странный знакъ,
Крутились дальше мельницы колеса,
А на горѣ коричневый монахъ
Въ грудь ударялъ булыжникомъ блесымъ.

А дальше въ странномъ небѣ блѣдно синемъ
Стоялъ раздѣтый челоуѣкъ съ крестомъ,
Его закаты въ небо возносили,
Но онъ все внизъ указывалъ перстомъ,

Гдѣ черти, подбоченившись, стояли
И даже ручкой дѣлали во слѣдъ,
Изъ ада тихо грѣшники кричали,
Но въ домикѣ рояль терзалъ скелеть.

Все было тихо, солнце заходило,
Хотѣлось все запомнить, не дыша,
У воиновъ внизу въ глазахъ рябило,
И пробужденье чуяла душа.

1930-1934

Люди несутъ огонь.
Вѣтеръ дуетъ, огонь задувая.
Люди огонь прижимаютъ къ груди.
Огонь потухъ.
Страшно смотрѣть изъ оконъ:
Спитъ подъ снѣгомъ земля неживая.
Кратко вдали, впереди
Вскрикнулъ пѣтухъ.
Страшно во тьмѣ безъ оконъ!..
Вечеръ спускается.
Кружится снѣгъ на порфирѣ.
Кашляютъ тише и тише.
Скрываютъ свѣтъ.
Пиръ прекращается.
Званные плачутъ на пирѣ.
Падаетъ время изъ ниши —
Никого нѣтъ.
Звѣзды... Сіянье судьбы.
Почему мы огонь потушили?
Почему мы играли съ огнемъ,
Шутя со смертью.
Пали во тьму безъ борьбы.
Почему Вы погибнуть спѣшили,
Развѣ Вамъ лучше въ аду ледяномъ.
Кричу: отвѣтьте...
Нѣтъ, только холодъ и страхъ.

Другъ природы, ангелъ нелюдимый,
Все прости, обиды позабуди,
Выйди въ поле, гдѣ въ туманномъ дымѣ
Надъ землей сіяетъ млечный путь.

Темный лѣсъ безмолвенъ у дороги,
Гдѣ-то слышенъ отдаленный лай.
Спи, больное сердце недотроги,
Отъ надеждъ и счастья отдыхай.

Въ тишинѣ какъ будто ѣдетъ кто-то,
Нѣтъ, то шумъ спадающихъ листовъ,
За рѣкой надъ скошеннымъ болотомъ
Всталъ луны холодный ободокъ.

Скоро, скоро ляжетъ на дорогу
Желтый листъ и просвѣтлѣетъ боръ,
Охладѣетъ солнце понемногу
И въ лѣсу замолкнетъ птичій хоръ.

Тихо блескъ таинственный ложится,
Спитъ природа, кроткая всегда,
Только Ты тоскуешь и боишься,
Все жалѣешь прошлые года.

Все кругомъ готовится къ разлукѣ,
Все смолчитъ обиду зимнихъ бурь,
А потомъ весной забудетъ муки,
Возвратится листьями въ лазурь.

Такъ и Ты, во мракѣ неизбѣжномъ
Въ звѣздный міръ взгляни и наглядись,
А потомъ усни и къ жизни прежней
Съ новой силой поутру вернись.

Д. Ш.

Въ сумеркахъ ложились золотыя тѣни,
Рыболовъ былъ тихо освѣщенъ.
Видѣли должно быть сны растенья.
Нищій спалъ, опершись о мѣшокъ.

Загорались лампы въ магазинахъ
И лежалъ на теплой мостовой
Высоты померкшей отблескъ синій,
Ласточки прощались съ синевою.

Скоро будемъ въ сумеркахъ обѣдать,
Слушать стеколь сумрачную дробь,
Можетъ быть неловко напоследокъ
Перекрестимъ лобъ.

Что-жъ никто не знаетъ, кто какъ жилъ,
Кто читалъ. Кто ждалъ освобожденья,
Тихо руки на груди сложилъ,
Превратился самъ въ свое видѣнье

Высоко у имени Господня
Духъ часовъ хранить его судьбу,
Звонъ раздастся въ черной преисподней,
Утро вздрогнетъ въ ледяномъ гробу.

Медленно спадаетъ вечеръ. Ниже небо,
Дымъ блеститъ. Въ сіяньи паровозъ.
Въ холодъ отчетливо кричитъ.
Кто тамъ въ полѣ?

Поздней осенью темнѣетъ рано,
Загораются на станціи огни,
Ничего не видно за туманомъ,
Запотѣли стекла. Мы одни.

Всматриваясь въ гибель лѣтнихъ дней,
Въ пыльный, яркій міръ, лишенный счастья,
Гамлетъ, солнце въ царствіе тѣней,
Тихо сходить, утомясь отъ власти.

Межъ деревьевъ яркій газъ горитъ,
Тамъ вдали на желтомъ, пыльномъ шарѣ тлѣнномъ,
Еле слышный голосъ говоритъ
О высокомъ, странномъ и священномъ.

Солнечный герой, создавшій міръ,
Слушай бездну, вотъ твоя награда.
Проклять будь, смутившій лоно тьмы,
Архитекторъ солнечнаго ада.

«Какъ ты смѣлъ», былинка говоритъ,
«Какъ Ты могъ», волна шумитъ изъ мрака
«Насъ вдали отъ сада Гесперидъ
Вызвать быть для гибели и мрака.»

На желтомъ небѣ акуратной тушью
Рукой холодной нарисованъ городъ.
Иди въ дождѣ. Молчи и слушай души,
Но не утѣшишься и не обманешь голодъ.

Душа темна, какъ зимняя вода,
Что отражаетъ все, всегда пустая.
Она въ ручьѣ стекаетъ навсегда,
Въ огняхъ рекламы сумрачно блистаетъ.

Какъ смѣешь Ты меня не уважать?
Я сухъ — Ты говоришь, я бѣлъ, прекрасно.
Такъ знай: такъ сухъ платокъ отъ слезъ отжать,
И бѣлъ, отъ прачки возвратясь напрасно.

Я научился говорить «всегда»
И «никогда» и «некогда». Я вижу,
Какъ подымается по лѣстницѣ судьба,
Толчется малость и стекаетъ ниже.

Не вѣрю я себѣ, Тебѣ, но знаю,
Но вижу, какъ безправны я и Ты
И какъ рѣка сползаетъ ледяная,
Неся съ собою камни съ высоты.

Какъ безконечно беззащитенъ вечеръ,
Когда клубится въ немъ туманный стихъ
И какъ пальто надѣтое на плечи
Тебя покой декабрьскій настигъ.

Вечеръ сіяетъ. Прошли дожди.
Голосъ мечтаеть... Молчи и жди.
Надъ міромъ пѣны шутить стихами
И постепенно, уставъ, стихаетъ.
Черная птица! Полно носиться,
Ужъ поздній вечеръ, а домъ далече.
Темнѣютъ своды. Послѣдній лучъ
Ложится въ воду, изъ темныхъ тучъ.
Пѣвецъ Мореллы! бойся воды,
Скользитъ въ ней бѣлый вѣнецъ луны.
Ты не замѣтишь, какъ упадешь,
Невѣсту встрѣтишь, царевну-ложь.
Къ землѣ стекаетъ астральный свѣтъ.
Груститъ: не знаю, вернусь иль нѣтъ.
Лежитъ въ могилѣ каменный гость,
Поетъ Виргилій, цвѣтетъ погость
Надъ степью мчится мгновенный вѣкъ,
Осока снится сіянью рѣкъ.
Трава ложится, клонясь внезапно.
Высоко птица летитъ на западъ.
Цвѣтокъ мечтаеть. Молчатъ гробы
Никто не знаетъ своей судьбы.

Августъ 1931

Дали спали. Безъ сандалій
Крался нищій въ вѣчный городъ.
Въ башняхъ матери рыдали,
Часового жалилъ холодъ.

Въ храмахъ на ночь запирали
Отраженія планетъ.
Руки жесткія стирали
Лица дивныя монетъ .

Чу! вдали сверчокъ стрекочетъ.
У подземныхъ береговъ.
Тамъ Христось купался ночью
Въ морѣ, полномъ рыбаковъ.

И душа легіонера,
Поднимаясь къ высотамъ,
Муро льющую Венеру
Видѣла, къ Его ногамъ.

Тихо бронзовые волки
Смотрятъ пристально на звѣзды,
Въ караульномъ помѣщеніи
Угли тлѣютъ въ камелькѣ.

А въ огромномъ отдаленіи
Къ Вифлеему, втихомолку,
Поднимается на воздухъ
Утро въ розовомъ вѣнкѣ.

ФЛАГИ СПУСКАЮТСЯ.

Надъ рядами сѣрыхъ саркофаговъ,
Гдѣ уже горѣлъ огонь слѣпой,
Подъ дождемъ промокшій, ангель флаговъ
Продолжалъ склоняться надъ толпой.

Улица блеститъ, огни горятъ, а выше
Ранній мракъ смѣшался съ дымомъ трубъ,
Человѣкъ подъ тонкой черной крышей
Медленно идетъ во тьмѣ къ утру.

Дождь летитъ у фонарей трамвая
Тонкою прозрачною стѣной,
Изъ витрины дѣва восковая
Дико смотритъ въ холодъ неземной.

Все темно, спокойно и жестоко,
Высоко на небѣ въ яркой ризѣ
Ты сіяль, теперь сойди съ флагштока,
Возвратись къ обыкновенной жизни.

Спи. Забудь. Все было такъ прекрасно.
Скоро, скоро надъ Твоимъ ночлегомъ
Новый ангель сине-бѣло-красный
Радостно взлетитъ къ лазури неба.

Потому что вѣчный праздникъ длится,
Тають птицы, трубы отлетаютъ,
Гаснетъ время. Снова утро снится
И про адскій пламень воскъ мечтаетъ.

Солнце всходитъ золотымъ штандартомъ,
Гибнуть мысли. Небо розовѣетъ.
Гаснетъ вечеръ. Солнце рвется въ завтра
И таить разсвѣта ночь не смѣетъ.

Что жъ пади. Ты озарялъ темницу,
Ты сіялъ, принявъ лазурный ужасъ.
Спи. Усни. Любовь намъ только снится,
Ты, какъ счастье, никому не нуженъ.

1931.

Зимній просѣкъ тихъ и полонъ снѣга,
Въ темнотѣ шумить пустой трамвай .
Вороны летятъ ища ночлега.
Со скамьи не хочется вставать.

Паркъ великъ, до города далеко,
Цѣпенѣтъ сердце, снѣгъ синѣтъ.
Что Ты, другъ мой, иль Тебѣ такъ плохо,
Что домой вернуться Ты не смѣешь?

Нѣтъ, мнѣ просто хорошо и глухо.
Какъ темно сейчасъ среди деревъ,
Дальній грай доносится до слуха,
Гаснетъ свѣтъ, за лѣсомъ догорѣвъ.

Кто тамъ ходитъ позднею порою?
Дѣва память, спи свидѣтель мой.
Кто поетъ во мракѣ со звѣздою,
Что Христось рождается зимой?

Въ нищетѣ, въ хлѣву, покрытомъ снѣгомъ,
Волъ и осликъ выдыхаютъ паръ.
Кто кричитъ надъ снѣговымъ ночлегомъ?
Это память мнѣ мѣшаетъ спать.

Спитъ Юсифъ ,въ темнотѣ бѣлѣя,
Пролетаетъ поѣздъ надъ пещерой.
Надъ недвижной снѣговой аллеей
Пастухи встаютъ въ туманѣ сѣромъ.

Глубоко въ снѣгу не надо друга.
Далеко отъ жизни и обидъ.
Встанетъ мѣсяцъ въ середину круга,
Бѣлый лѣсъ недвижно озарить.

Ярко, ярко средь узорныхъ вѣтокъ
Синіе лучи зажгутъ снѣга,
Будетъ утро медлить. До разсвѣта
Все сравниетъ бѣлая пурга.

Скоро утро, шепчетъ Магдалина,
Гостю ночи, отстраняя пологъ.
Вѣтви пыльных пальмъ Іерусалима
Сквозь дремоту ждуть пѣтушій голосъ.

1931-1933.

Тѣнь Гамлета. Прохожій безъ пальто.
Вороны спятъ въ садахъ голубоватыхъ.
И отдаленный слышится свистокъ,
Вороны съ вѣтокъ отряхаютъ вату.

Пойти гулять. Погладить снѣгъ рукой.
Уѣхать на трамваѣ съ остальными.
Заснуть въ кафэ. Въ винѣ найти покой.
Въ кинематографѣ уйти въ міры иные.

Но какво бродягамъ въ этотъ часъ?
Христось, конечно, въ Арміи Спасенія.
Снижался день, онъ безконечно чахъ,
Все было тихо въ ночь на воскресенье.

По непорочной бѣлизнѣ слѣды
Бѣгутъ впередъ и вдругъ назадъ навстрѣчу.
Куда онъ шель, спасаясь отъ бѣды?
И вдругъ рѣшилъ, что поздно и далече.

Вотъ отпечатокъ рукъ. Вотъ снѣгу комъ.
Всѣ сгнули. Все вѣтеръ замѣтаетъ,
Все заперто. Молчитъ господскій домъ
Тамъ въ роскоши, всю ночь больной читаетъ.

Все спуталось и утомляетъ шрифтъ.
Какъ медленно ползутъ часы и сроки.
Однообразно поднимаясь, лифтъ
Поетъ, скуля. Какъ скучно одинокимъ.

Звенить трамвай. Никто не замѣчаетъ.
Все исчезало, таяло, кружилось,
Лицо людей съ улыбкой снѣгъ встрѣчаетъ —
Какъ имъ легко и тихо становилось.

А смерть его сидитъ напротивъ въ креслѣ
И, улыбаясь, стѣны озираетъ.

Ужъ ей давно извѣстны эти пѣсни;
Она газету смятую читаетъ.

Извѣстно ей, лишь только жаръ спадетъ
Забудетъ все, и вдругъ ударъ изъ мрака
Снѣгъ въ комнату и посинѣвшій ротъ,
Какъ мнѣ понять?— Тебѣ довольно страха.

Когда спадаетъ жаръ и день встаетъ,
Прощай пока. На утро снѣгъ растаетъ,
Съ письмомъ веселый почтальонъ прійдетъ.
Какъ быстро боль воскресшій забываетъ.

Не вѣдая живетъ и вдругъ врасплохъ...
Погаснетъ лампа, распахнутся окна.
— Дай мнѣ подумать, я усталъ, я плохъ.
— Не время думать. Время забываетъ.

А бѣдный нищій постоянно видитъ
Передъ собою снѣгъ и мокрый камень
Онъ фонари въ туманѣ ненавидитъ.
Его, мой другъ, не обмануть стихами.

Онъ пѣсенку поетъ подь барабанъ.
Въ мундирѣ синемъ. — Господи помилуй!
Ты далъ мнѣ боль Своихъ ужасныхъ ранъ.
Ты мнѣ понятенъ. Ты мнѣ близокъ, милый,

Я ѣмъ Твой хлѣбъ, Ты пьешь мой чай въ углу
Въ печи поетъ огонь. Смежая очи,
Осель и вошь на каменномъ полу
Читаютъ книгу на исходѣ ночи.

1931.

Рождество расцвѣтаетъ. Рѣка наводняетъ предмѣстья.
Тамъ, гдѣ падаетъ снѣгъ, паровозы идутъ по водѣ.
Крыши ярко лоснятся. Высокій декабрьскій мѣсяць
Ровной, синею нотой звучить на замерзшемъ прудѣ.

Четко слышится шагъ, вдаль безъ конца повторяясь,
Приближается кто-то и долго стоитъ у стѣны,
А за низкой стѣной задыхаются псы, надрываясь,
Скала бѣлые зубы въ холодный огонь вышины.

Рождество, Рождество! Отчего же такое молчанье,
Отчего все темно и очерчено четко вездѣ ?
За стѣной Новый Годъ. Запоздалыхъ трамваевъ звучанье
Затихаетъ вдали, поднимаясь къ Полярной звѣздѣ.

Какъ все чисто и пусто. Какъ все безучастно на свѣтѣ.
Все застыло, какъ ледъ. Все къ лунѣ обратилось давно.
Тихо колоколь звякнулъ. На брошенной кѣмъ то газетѣ,
Нарисована елка. Какъ страшно смотрѣть на нее.

Тихо въ черномъ саду, дискъ луны отражается въ лейкѣ.
Есть ли елка въ аду? Какъ встрѣчаютъ въ тюрмѣ
Рождество?

Далеко за луной и высоко надъ жестокой скамейкой
Безмятежно нездѣшнее млечное звѣздъ торжество.

Все какъ будто ждало, и что спугнута птица шагами
Лишь затѣмъ, чтобъ напомнить, что призраки жизни
страшны,

Осыпая сіянья, какъ долго мы были врагами
Тишины и природы, и все жъ мы теперь прощены.

1930-1931.

НАДЬ СОЛНЕЧНОЮ МУЗЫКОЙ ВОДЫ

Посв. Наталии Столяровой

Не говори мнѣ о молчаньи снѣга.
Я долго спалъ и не былъ молодымъ,
И вдругъ очнулся здѣсь, когда съ разбѣга
Остановился поѣздъ у воды.

Смерть глубока, но глубже воскресенье
Прозрачныхъ листьевъ и горячихъ травъ.
Я понялъ вдругъ, что можетъ быть весенній,
Прекрасный мѣръ и радостень и правъ.

И все, о чемъ мы говорили въ полѣ,
На мокрый хлѣбъ поваленный глядя,
Все было гдѣ-то на границѣ боли
И счастья долгожданнаго дождя.

Еще въ горахъ, туманной полосой
Гроза скрываетъ небо за собой,
Но рядомъ за песчаною косою,
Ужъ ярко солнце встрѣтилось съ водой.

Мгновенно отозвавшись счастьемъ новымъ,
Забывъ о томъ, чѣмъ мучила зима,
Она довольна голубой обновой,
До края неба гребнями шумя.

Сіяетъ жизнь, она близка къ наградѣ,
Свой зимній трудъ исполнивши любя,
И все вокругъ одна и та же радость,
Что слушаетъ во всемъ и ждетъ себя,

Съ лѣнливою улыбкой молчаливой,
Въ кустахъ, гдѣ птицы говорятъ съ Тобой,
Читая такъ, Ты кажешься счастливой,
И радостью Твоей блеститъ прибой.

И въ ней бродячимъ кажется цвѣткомъ
Мороженщикъ подъ зонтикомъ линялымъ,
И парусникъ за низкимъ маякомъ
Уходитъ, уменьшаясь въ небѣ таломъ.

1932.

Николаю Татищеву

Богу родиться въ земномъ, человѣку родиться въ небес-
номъ.

Дивный Меркурій зоветъ одновременно мать и жена.
Падаетъ пламя. Огонь подымается къ звѣздамъ,
Вѣчной весною цвѣтетъ въ глубинѣ вышина.

Юнь 1932 г.

Въ яркомъ дымѣ іюньскаго дня,
Тамъ, гдѣ улица къ морю ведетъ,
Просыпается утро отъ сна,
Садъ цвѣтетъ и шарманщикъ поетъ.
Огибая скалистый мысокъ,
Пароходъ попрощался съ Тобой.
Темной-желтый дорожекъ песокъ
Свѣже полить водой голубой.
Въ ресторанѣ подъ тентами шторъ
Отраженья рѣчной глубины,
И газета летитъ на просторъ
Въ шумъ морской и воздушной волны.
Посмотри! все полно голосовъ,
Яркихъ платьевъ, каретъ дорогихъ,
И въ горячій уходятъ песокъ
Руки смуглыя женщинъ нагихъ.
Въ далекѣ, средь молочныхъ паровъ
Солнце скрыло хрустальной дугой
Грань воздушныхъ и водныхъ міровъ,
И одинъ превратился въ другой.
А за молотомъ, гдѣ свищетъ Эоль,
И спускаясь пылитъ экипажъ
Сквозь сады, въ сновидѣніи пчель,
Гордый духъ возвратился на пляжъ.
Значитъ рано молитвы творить,
Слишкомъ лѣтняя боль глубока —
Такъ, впадая, на солнцѣ горитъ
И, теряясь, сіяетъ рѣка.

Д. Ш.

Тамъ, гдѣ тонкою нитью звеня
Вѣтеръ боли и вольности радъ,
Яркимъ дымомъ іюльскаго дня
Наполняется сердце съ утра.

Набѣгая на теплый песокъ,
Межъ деревьевъ сіяетъ вода
И, вскипѣвъ у горячихъ досокъ,
Возвращается вспять безъ слѣда.

Отражая часы и часы,
Облаковъ бѣлоснѣжный парадъ,
Мясника золотые вѣсы,
Подъ опущенной шторой горять.

У платформы, гдѣ въ блескѣ стрекозъ
Обрывается путь въ камышахъ,
Паровозъ, что намъ письма привезъ,
Отдыхаетъ, чуть слышно дыша.

А за нимъ на горячемъ пескѣ
Выгораютъ палатокъ цвѣты
И, загаромъ лоснясь налегкѣ,
Возвращаешься къ берегу Ты.

И навстрѣчу ревущей волнѣ
Раскрывается небо вполне ,
Будто все превратилось, любя,
Въ голубой ореоль для Тебя.

Но чѣмъ ярче хрустальная даль,
Гдѣ волна, рассыпаясь, бѣжитъ,
Тѣмъ острѣе прошедшаго жаль
И яснѣе, что счастьемъ не жить.

1932.

Подъ глубокою сѣнью аллеи
Дождь дорожку омыль до бѣла.
Утомилась рука водолея,
Въ бѣломъ небѣ сирень расцвѣла.

Все какъ прежде и только цвѣты,
Нѣжнымъ запахомъ въ холодъ дыша,
Оживили кусты. Дни пусты,
Но очнулась и внемлетъ душа.

Фиолетовый гребень въ дождѣ
Мимолетнаго грохота ждетъ,
Парь ползетъ на пруду и вездѣ
Что-то медлитъ, но снова живетъ.

Въ тонкой заводи прядаетъ гладь,
Отраженье зари зарябивъ.
Но охотникъ не хочетъ стрѣлять,
Смотритъ въ небо, ружье зарядивъ.

Средь капли, гдѣ лучъ на вѣсу
Повторяется тысячи разъ,
Начинается лѣто въ лѣсу,
Раскрывается множество глазъ.

Я не вижу Тебя, но Ты здѣсь,
Я не слышу Тебя, но Ты есть.
Гдѣ-то птица поетъ. Это вѣсть,
Что лѣсамъ невозможно не цвѣсть,

Что зарѣ невозможно не быть
Яркимъ дымомъ на бѣлыхъ домахъ,
И что сердцу нельзя не любить
Это утро Твое на холмахъ.

Октябрь 1932

Вѣтеръ легкія тучи развѣялъ.
Ширь воды лучезарно легка,
Даль омытая влагой новѣе
И моложе земля на вѣка.

Желтый сумракъ проходитъ горами.
Вотъ и солнце, зажмурился садъ.
У стѣны, водяными мірами
Дружно вспыхнули листья посадъ.

Вешній вѣтеръ сегодня въ удачѣ,
Лѣсъ склоняется въ шумной мольбѣ.
И на камняхъ, подъ новою дачей,
Пѣна бѣлая рвется къ Тебѣ.

Такъ уставъ отъ покоя до боли,
Вѣчно новыя, съ каждой весной,
Души рвутся изъ зимней неволи
Къ страшной, радостной жизни земной.

Раздувается парусъ надъ лодкой.
Брызги холодомъ свѣжимъ летятъ.
Берегъ тонкій, зеленой обводкой
Уменьшаясь уходитъ назадъ.

И не страшно? Скажи безъ утайки.
Страшно, радостно мнѣ и легко.
Тамъ за мысомъ, гдѣ борются чайки,
Насъ подбросить волна высоко.

Хлопнетъ парусъ на синихъ качеляхъ.
Такъ бы думать и пѣть налегкѣ,
Безъ надежды, безъ словъ и безъ цѣли.
Возвратившись, заснуть на пескѣ.

Хорошо сквозь прикрытыя вѣки
Видѣть солнце палящимъ пятномъ.
Кровяныя, горячія рѣки
Окружаютъ его въ золотомъ.

Шумъ воды голоса заглушаетъ.
Наклоняется небо къ водѣ,
Затихаетъ душа, замираетъ,
Забываетъ сама о себѣ.

Стекло блеститъ огнемъ.
Маячитъ утро въ домѣ.
Все свѣжестью полно,
Что въ лѣсъ пришло съ воды.

Тамъ будетъ жарко днемъ,
И въ солнечной истомѣ,
Повиснутъ надъ волной
Стрекозы и сады.

Еще такъ сумрачно, такъ радостно смѣется
Проснувшаяся къ свѣжести душа,
И слушаетъ, какъ жизнь воды изъ крана рвется
И моется, и дышетъ, не спѣша.

Ей въ лѣсъ идти, вести грибное дѣло,
Что скрыла отъ гостей поваленная ель.
Надъ ней кусты цвѣтутъ и грѣются безъ дѣла,
А облако въ ручьѣ скользитъ на мель.

Все, кажется, понять необходимо,
Идти и вспоминать, иль на рѣку грести,
Купаться и, домой вернувшись невредимымъ,
Въ ушахъ съ собою воду принести.

Еще полъ дня счастливый сонъ замѣтенъ.
За чайнымъ хаосомъ, читая у стола,
Еще душа могла тогда отвѣтить,
Какъ радуга, зачѣмъ она пришла.

Не опуская глазъ, не притворяясь,
Съ серьезностью идя на грубый смѣхъ...
Окно раскрылось, зеркаломъ качаясь,
И садъ вошелъ въ сосновый домъ для всѣхъ.

И снова долгимъ днемъ,
Въ саду, въ сіяньи листьевъ,
Гдѣ шляется пчела
Надъ лѣстницей, въ пыли

Вода горитъ огнемъ,
И въ безднѣ лѣтнихъ истинъ,
Навѣкъ душѣ тепла
Вѣрна судьба земли.

Надъ солнечною музыкой воды,
Тамъ, гдѣ съ горы сорвался берегъ въ море
Цвѣтутъ лѣса и таетъ бѣлый дымъ
Весеннихъ тучъ на утреннемъ дозорѣ.

Я снова всталъ душой изъ зимней тьмы
И здѣсь въ горахъ за сѣрою агавой,
Который разъ мнѣ здѣсь раскрылся мѣръ
Мучительной и солнечной забавой.

Въ молчаньи на оранжевую землю
Течетъ смола. Чуть слышный шумъ вдали
Напоминаетъ мнѣ, что море внемлетъ
Неспѣшно покрывая край земли.

Молчитъ весна. Все ясно мнѣ безъ слова,
Какъ больно мнѣ, какъ мнѣ легко дышать.
Я снова здѣсь. Мнѣ въ мѣръ больно снова,
Я ничему не въ силахъ помѣшать.

Шумитъ прибой на телеграфной сѣти
И пѣна бьетъ, на улицу спѣша,
И дивно молодъ перевозданный вѣтеръ —
Не помнитъ ни о чемъ его душа.

Покрылось небо темной синевою,
Клубясь, на солнце облако нашло
И, окружась полоской огневою,
Скользнуло прочь въ небесное стекло.

Въ необъяснимомъ золотомъ движенъи,
Съ смиренъемъ дивнымъ поручась судьбѣ,
Себя не видя въ легкомъ отраженъи,
Въ уничиженіи, не плача о себѣ,

Ложусь на теплый верескъ, забывая
О томъ, какъ долго мучился любя.
Глаза, на солнцѣ грѣясь, закрываю
И снова навсегда люблю Тебя.

1934

Разметавшись широко у моря,
Спитъ возвышеность каменнымъ сномъ.
День недвиженъ. У низкаго мола
Яхта клонится въ воду крыломъ.

Надъ обрывомъ на горной дорогѣ
Миръ прозраченъ, какъ жидкій хрусталь —
Тамъ, уставъ отъ ходьбы, недотроги
Въ бѣломъ кружевѣ смотрятся вдаль.

На лугу подъ звенящей косою
Травы падаютъ въ омутъ небесъ.
Пароходъ, дымовой полосою
Горизонтъ печаливъ, исчезъ.

А подъ кручей на тысячу блесокъ
Распадается солнце въ водѣ
И сквозь пыль у сосноваго лѣса
Мчится гонщикъ навстрѣчу судьбѣ.

Въ теплой лодкѣ пишу безъ отвѣта,
Свѣсивъ руку, гляжусь въ глубину,
Закрываясь рукою отъ свѣта
У безбрежнаго моря въ плѣну,

Гдѣ въ немолчномъ своемъ разговорѣ
Блескъ волны догоняетъ волну
И, теряясь, шумитъ на просторѣ,
Незамѣтно склоняя ко сну.

Чуть курлычетъ вода за кормою
Въ непрестанномъ движеньи своемъ,
Призракъ лодки съ уснувшей душою
Неподвижно виситъ въ голубомъ.

И на ней, какъ вѣсы въ равновѣсьи,
Равнодушень къ добру и ко злу,
Полонъ солнечной радостью весь я,
Свѣсивъ теплую руку къ веслу.

Сегодня сердце доверху полно
Переливающимся шумомъ волнъ безпечныхъ,
Я снова предъ тобой сіяющее дно
Земной судьбы, играющее вѣчно.

Вся жизнь души въ глазахъ, вся жизнь природы въ морѣ,
И съ каждою зарей рождается на немъ
Другая красота, не знающая горя,
А вечеромъ оно красивѣе чѣмъ днемъ.

Высокомѣрнаго мученья глубину
Я съ младости позналъ, но не нашедши мира,
Теперь я вѣрую и слушаю волну,
Поющую о томъ, что радость глубже міра.

Непомраченный день своимъ тепломъ
Наполнилъ лѣсъ и заблудился въ чащѣ.
Покоемъ счастья полонъ низкій домъ,
Весь озаренный облакомъ свѣтящимъ.

Здѣсь, гдѣ глядя на міръ сквозь хвойный лѣсъ,
Душа живетъ въ счастливомъ одичаньи,
Свою стрѣлу октябрьскій стрѣлецъ
Еще не отослалъ въ осеннее молчанье.

Уже желтѣетъ горный лѣсъ вдали,
Гдѣ съ краткимъ крикомъ ласточки носились,
Укрошена усталостью земли,
Молчитъ душа, внемля осенней силѣ.

Уставшая внимать полдневной влагѣ,
О снѣ подземномъ думаетъ она,
О томъ, что снова будетъ жить въ оврагѣ,
Гдѣ въ ягоды свои одѣлась бузина.

Подъ именемъ другимъ, но съ тѣмъ же восхищеньемъ
Сіяющей судьбой воздушныхъ превращеній,
И тѣмъ, о чемъ средь полевой межи,
Несущіеся прочь поютъ стрижи.

Все тотъ же свѣтъ горитъ во всѣхъ мірахъ,
И всѣ вѣка шумятъ однимъ напѣвомъ,
И въ нихъ и я безсмертенъ, какъ въ горахъ
Безсмертенъ день, всегда какъ будто первый.

Узнай себя въ вечерней теплотѣ.
Святая радость всюду жизнь рождаетъ.
Она въ тебѣ, она вокругъ, вездѣ.
Она всегда любовь сопровождаетъ.

1933

В. Варшавскому

Лѣтній вечеръ темень и тяжелъ,
Душный вѣтеръ шелеститъ бумагой,
Окружаетъ желтый ореоль
Дискъ луны, всходящій надъ оврагомъ.

Надъ вершиной исполинскихъ липъ
Яркій свѣтъ родился и погибъ.
Сотряслась окрестность чернымъ громомъ,
Стукъ дождя слышался надъ домомъ.

На дворѣ, тѣснясь среди сараевъ,
Покачнулись пыльные кусты
И, курлыча у крыльцовыхъ сваевъ,
Заблестѣль ручей изъ темноты.

Въ чашѣ птицы согнаны съ нощлега,
Пыль воды влетаетъ въ окна дома,
Но чѣмъ ярче дождь несется съ неба,
Тѣмъ скорѣй его затихнетъ гомонъ.

Молкнетъ черный лѣсъ, еще шумящій
Мокрой хвоей за столбомъ качелей
И сосновымъ запахомъ щемящимъ
Дышетъ садъ въ сіяніи капели.

Растворивъ окно высокой дачи,
Отойдя на мигъ отъ словъ и думъ,
Неподвижно слушалъ неудачникъ
Утихающій счастливый шумъ.

Думалъ онъ о томъ, что мiръ моложе
Безупречныхъ франтовъ городскихъ,
Но его душа принять не можетъ
Темныхъ и надменныхъ слезъ людскихъ.

Что земля и радость глубже боли,
Потому что смерть нужна лѣсамъ,
Чтобъ весной трава рвалась на волю,
Дождь къ землѣ и птицы къ небесамъ.

Что темнѣе лжи печаль безъ вѣры,
А больная жалость горше зла.
Медленно въ спокойной дымкѣ сѣрой
День вставалъ, что иволга звала.

На умытыхъ соснахъ дивно яркiй
Первый лучъ прошелъ на высотахъ
И спокойный долгiй день и жаркiй
Начался вознею птицъ въ кустахъ.

1932-1933

Н. П.

Чудо жизни въ радостномъ движенъи
Грозовыхъ осеннихъ облаковъ.
Быстро таетъ въ уличномъ смятенъи
Шумъ дождя подъ цоканье подковъ.

И совсѣмъ растерянный отъ свѣта,
Отъ сіянья воздуха, отъ теплоты,
Возвращается ноябрь въ лѣто,
Полный безпокойной красоты.

Сердце билось у часовъ невѣрныхъ.
Слишкомъ рано, погоди дружить,
Приходи попозже и мгновенно,
Слишкомъ поздно станетъ, можетъ быть.

Свѣжестью левкоевъ и осоки,
Холодомъ дождливыхъ дней лѣсныхъ
Незамѣтно прикасались щеки,
Мчались дни рожденія весны.

Рвался вѣтеръ обгонять трамваи,
Тентами въ дождѣ озорничать,
То земля была едва живая,
Радости не въ силахъ отвѣчать.

Сквозь молочный дымъ въ оцѣпенѣнны
Солнце согрѣвало лѣсъ пустой,
Въ голубомъ недвижномъ озареньи
Думалъ онъ о жизни прожитой.

Каждый кустъ свое сіянье листьевъ
Нехотя, по разному терялъ,
Будто множество осеннихъ истинъ
Передъ сномъ съ улыбкой понималъ.

Ты, какъ будто щурясь, вспоминала
Прошлое мое, а я Твое.
Тихо лодка весла подымала,
Бѣлый дымъ еще скрывалъ ее.

Ноябрь 1933

ДОМОЙ СЪ НЕБЕСЪ

Н. Постниковой

Судьба души не вѣдома словамъ.
Въ лучахъ дождя мы снова здѣсь въ неволѣ,
Весенній вѣтеръ дышетъ къ островамъ
И грязь блеститъ на слабомъ солнцѣ въ полѣ.

Въ лѣсу земля, услышавъ слабый плескъ,
Рѣсницами дождя пошевелила,
Она спала среди сосновыхъ звѣздъ,
Какъ будто бы дышать и жить забыла.

Въ свинцовомъ небѣ рѣетъ на лугу
Малиновая сѣнь еще пустая.
Какъ тихо, слушай, милый, это таютъ
Коричневые льды на берегу.

Смотри, похожа на мою любовь
Пустая нѣжность поля безъ работы,
Въ лучахъ дождя оно проснулось вновь,
Но жить не начало и вспоминаетъ что-то.

Въ пыли лучей — изсохшія поля.
Прошедшимъ лѣтомъ въ золотой неволѣ
Подъ яркимъ небомъ мучилась земля,
Дождя ждала и трескалась отъ боли.

Въ дыму грозы сіяль закатъ въ пыли,
И цвѣтъ страницъ отъ молніи мѣнялся,
Но только осенью сожженный лѣсъ вдали
Покоя долгожданнаго дождался.

Покой весны, кто знаетъ о тебѣ,
Тотъ никогда земли не покидаетъ.
Въ холодномъ небѣ въ радостной мольбѣ
Несутся ласточки, дорогу узнавая.

Домой съ небесъ въ чуть слышный шорохъ травъ
Издалека къ оползнямъ косогоровъ,
Такъ близко къ солнцу жить не пожелавъ,
Они летятъ, они вернутся скоро.

Въ свинцовомъ небѣ призракомъ весны
Малиновая сѣнь березъ недвижна.
Во тьмѣ могилъ напрасно видѣть сны —
Не угадать покоя вешней жизни.

Какъ незамѣтно радость расцвѣла.
Вотъ низкій домъ и мы съ Тобой у цѣли.
Весенній дождь шумѣлъ въ тѣни ствола.
Мы долго слушали и говорить не смѣли.

1934

Холодное, румяное отъ сна,
Лицо зари склонилось надъ землею.
Ты снова здѣсь, весна моя, весна,
Въ разсвѣтной тишинѣ одна со мною.

Въ пустомъ лѣсу чуть слышный гамъ возникъ.
Тамъ мертвый листъ живую землю грѣетъ,
И отражаетъ сумрачный родникъ
Свѣтъ облака, что надъ березой рѣетъ.

Хрустальными рѣсницами блеститъ
Роса высотъ на буеракѣ мшистомъ.
И сердце ждетъ, оно давно не спитъ,
Чтобъ встрѣтить яркій свѣтъ на вѣтвяхъ чистыхъ.

Какъ за ночь успокоилась вода,
И далеко слышать, какъ рыба плещетъ.
Идутъ круги и таютъ безъ слѣда.
Все ближе жизнь, все ярче небо блещетъ.

Весенній лѣсъ вдругъ вспыхнулъ солнцемъ весь
Согрѣтый лучезарною рѣкою.
Внезапно съ солнцемъ встрѣтившись, какъ здѣсь
Мы встрѣтились съ Тобою и покоемъ.

Смотрю на міръ, гдѣ новые вѣка
Вступаютъ въ жизнь, о небѣ забывая.
Весна красавица пришла издалека,
И міръ пустой недвижно озираетъ.

Еще въ дали не таютъ небеса,
Свинцовыя, надъ мокрымъ черноземомъ,
Въ оврагѣ птицъ не слышны голоса
И грязный снѣгъ лежитъ въ лѣсу зеленомъ.

Лишь слабый громъ чуть слышно ворожитъ,
Въ сіяньи тучъ, тяжелой влагой полныхъ.
Ты, кажется, душа собралась жить,
И смотришь, родину стараясь вспомнить.

Подъ тяжкими рѣсницами глаза
Устремлены въ пердѣль знакомой боли,
Гдѣ въ далекѣ обречена гроза
Блеснуть и шумно вылиться надъ полемъ.

Все радостнѣй, все крѣпче міръ любя,
Смѣясь и узы грусти разрывая,
Я здѣсь живу, я встрѣтилъ здѣсь Тебя,
Я шумъ дождя Тобою называю.

1934

Жарко дышетъ степной океанъ.
Шорохъ птицы на скошенномъ хлѣбѣ.
Облаковъ ослѣпительный станъ
Безмятежно раскинулся въ небѣ.

Снова не было долго дождя.
Пыль рисуетъ шоссе въ отдаленьи,
Долгій день, въ синевѣ проходя,
Трескъ кузнечиковъ слушалъ все время.

Телеграфный трезвонъ надъ землею
Не смолкаетъ, недвижно пѣвучь
И горячей лоснится водою
Желтый омутъ межъ глинянныхъ кручь.

Надъ рубашкой Твоей голубою
Кудри вьются въ лазури небесъ.
Эту книгу, что носишь съ собою
Ты читаешь? — Нѣтъ, слушаю лѣсъ.

Удивляюсь вѣкамъ, не читая,
Въ полѣ, тамъ, гдѣ теряется слѣдъ,
Приникаю къ травѣ, не считая
Невозвратнаго горя, ни лѣтъ.

Боль весла привыкаетъ къ ладони,
Но бросаю и счастье молчить,
Лишь курлычетъ вода въ плоскодоньи
И оса неподвижно звенить.

Все наполнено солнечнымъ знаньемъ,
Полногласіемъ жизни и сномъ.
На горячей скамьѣ, безъ сознанья
Ты жуешь стебелекъ въ голубомъ.

Кто покой Твой не знаетъ, тотъ не былъ
За предѣломъ судьбы и бѣды.
Тамъ Тебя окружаютъ два неба,
Сонъ лазури и отблескъ воды.

Безъ упрека, безъ дна, безъ отвѣта
Ослѣпительно въ трескъ цикады
Отъ земли отдалается лѣто,
Въ желтой славѣ клонясь на закатъ.

Тщетно, словно грустя о просторѣ,
Ты пыталось волнѣ подражать,
Только Ты человѣкъ, а не море —
Потому что Ты можешь скучать.

1934

Мать безъ края: «быть или не быть»,
Можетъ быть послушать голосъ нѣжный
Погасить лучи и все забыть,
Возвратить имъ сумракъ ночи снѣжной.

Мать святая, вѣчная судьба.
Млечный путь едва блеститъ. Все длится.
Гдѣ-то въ безднѣ черная труба
Страшнаго суда не шевелится.

Тихо дышутъ звѣздные хоры.
Отвѣчаетъ мать больному сыну:
Я — любовь, создавшая міры,
Я всему страданію причина.

Состраднѣе — гибель всѣхъ существъ.
Я — жестокость. Я — нѣмая жалость.
Я — предвѣчный сумракъ всѣхъ естествъ,
Всѣхъ боговъ священная усталость.

Спи, цари. Я — рокъ любви земной,
Я — починъ священныхъ повтореній,
Я — вдали подъ низкою луной
Голосъ вопрошающій въ сомнѣннѣи.

О, герой, лети святымъ путемъ,
Минетъ часъ, ты рокъ боговъ узнаешь.
Я же съ первымъ утреннимъ лучемъ
Въ комнатѣ проснусь, что ты не знаешь.

Улыбнусь. Рукой тетрадь открою,
Вспомню сонъ святой хотя бь немного
И спокойно, грязною рукою
Напишу, что я прощаю Бога.

Сонъ о счастья. Газъ въ пыли бульвара,
Запахъ листьевъ, голоса друзей.
Это все, что встанетъ отъ пожара
Солнечной судьбы. Смирись, ничей.

СОДЕРЖАНІЕ

СНѢЖНЫЙ ЧАСЪ

Снѣгъ идетъ надъ голой эспланадой	9
Въ зимній день на небѣ неподвижномъ	10
Въ горахъ вода шумить; подъ желтыми листьями	12
Вечеръ блеститъ надъ землею	15
Трава рождается, теплою дорога дышетъ	16
Во мглѣ лежитъ печаль полей	18
Лунный дискъ исчезъ за вѣдукомъ	22
Сумеречный мѣсяцъ, сумеречный день	23
Полуночное свѣтило	24
Надъ пустой рѣкой за поворотомъ	25
Городъ тихо шумитъ. Осень смотрится въ бѣлое небо	27
Не смотри на небо, глубоко	28
Поля безъ возврата. Большая дорога	29
Еле дышетъ слабость бѣлыхъ дней	30
Какъ страшно уставать	31
Ранній вечеръ блеститъ надъ дорогой	33
Въ молчаньи души лампы зажигаютъ	35
Какъ холодно. Молчитъ душа пустая	36
Въ кафэ стучатъ шары. Надъ мокрой мостовою	38
Шары стучали на зеленомъ полѣ	40
Шумѣль въ ногахъ холодный гравій сада	41
Въ сѣрый день лоснится мокрый городъ	42
Прежде за снѣжной пургою	43

Былъ высокій огонь облаковъ	44
За рѣкою огонь полыхаетъ	46
Лошади стучали по асфальту	47
Il neige sur la ville	48
Снова въ вѣнкѣ изъ воска	50
На подъемѣ блеститъ мостовая	51
Ты усталъ, отдохни	52
Въ часъ, когда писать глаза устанутъ	53
Все спокойно раннею весною	54
Опять въ поляхъ, туманясь безконечно	55
Слабый верескъ на границѣ смерти	56
Въ зимній день все кажется далекимъ	57
Я видѣлъ сонъ, въ огнѣ взошла заря	59
Люди несутъ огонь	60
Другъ природы, ангелъ нелюдимый	61
Въ сумеркахъ ложились золотыя тѣни	62
Всматриваясь въ гибель лѣтнихъ дней	64
На желтомъ небѣ акуратной тушью	65
Вечеръ сіяетъ. Прошли дожди	66
Дали спали. Безъ сандалій	67
Флаги спускаются	68
Зимній просѣкъ тихъ и полонъ снѣга	70
Тѣнь Гамлета. Прохожій безъ пальто	72
Рождество расцвѣтаетъ. Рѣка наводняетъ предмѣстья	74

НАДЪ СОЛНЕЧНОЮ МУЗЫКОЙ ВОДЫ

Не говори мнѣ о молчаньи снѣга	77
Богу родиться въ земномъ, человѣку родиться въ небесномъ ..	79
Въ яркомъ дымѣ юньскаго дня	80
Тамъ, гдѣ тонкою нитью звеня	81
Подъ глубокою сѣнью аллеи	83
Вѣтеръ легкія тучи развѣялъ	85
Стекло блеститъ огнемъ	87
Надъ солнечною музыкой воды	89
Разметавшись широко у моря	91
Сегодня сердце доверху полно	93
Лѣтній вечеръ темень и тяжелъ	95

Чудно жизни въ радостномъ движенъи	97
Домой съ небесъ	99
Холодное, румяное отъ сна	101
Жарко дышетъ степной океанъ	103
Мать безъ края: «быть или не быть»	105

При версткѣ книги допущена слѣдующая ошибка: на стр. 17 двѣ строфы, начинающіяся словами: «Теряется рѣка за островами»... являются окончаніемъ стихотворенія «Трава рождается, тепломъ дорога дышетъ». (Стр. 16)

ПРОИЗВЕДЕНІЯ
БОРИСА ПОПЛАВСКАГО:

ФЛАГИ. Стихи. Изд. «Числа». Парижъ 1931 (разошлись).
СНѢЖНЫЙ ЧАСЪ. Стихи. Парижъ 1936.
АПОЛЛОНЪ БЕЗОБРАЗОВЪ. Романъ (въ печати).
ДОМОЙ СЪ НЕБЕСЪ. Романъ. (въ печати).

Подготовлены къ печати:

БЫЛЬ СТРАШНЫЙ ХОЛОДЪ. Стихи.
ВЪ ВѢНКЪ ИЗЪ ВОСКА. Стихи.
ДИРИЖАБЛЬ НЕИЗВѢСТНАГО НАПРАВЛЕНІЯ. Стихи.
ОРФЕЙ ВЪ АДУ. Стихи.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
N. Tatischeff, 15, Rue des Erables, Plessis Robinson/S.